
КАФЕДРА

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ. МАРКСИСТСКАЯ ВЕРСИЯ (продолжение)

*Колганов Андрей Иванович –
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник МГУ.*

Раздел 3. Социализм

Подраздел 2. Горизонты социалистического общества

Глава 21. Скачок из «царства необходимости» в «царство свободы»: что это такое?

21.1. Социалистическая революция: каковы исторические масштабы качественного скачка?

При оценке характера социальной революции, опосредующей переход от капитализма к следующей ступени исторического развития, следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство. Капитализм представляет собой способ производства, являющийся исторически последним в развитии всей экономической общественной формации. Поэтому с уходом капитализма с исторической арены уходит в прошлое и вся экономическая общественная формация.

Это означает, что социальная революция, выступающая итогом развития внутренних противоречий капиталистического способа производства, есть не только такая социальная революция, которая опосредует переход от одного способа производства к другому. Одновременно это социальная революция, опосредующая переход от экономической общественной формации к коммунистической (постэкономической).

С точки зрения корректности терминологии такую революцию следовало бы называть «коммунистической» (иногда ее так и называют). Однако уже устоялось наименование этой революции как социалистической. Это связано с довольно широко распространенным применением в марксистской терминологии слов «социализм» и «коммунизм» применительно к низшей и высшей фазам коммунистического общества. С точки зрения такого словоупотребления, та социальная революция, которая ниспровергает капиталистическое общество, обеспечивает переход непосредственно лишь к социализму, а не прямо к коммунизму, а потому и должна называться социалистической. Правда, при этом не принимается во внимание, что социализм тоже есть коммунизм, хотя и неполный. Чтобы не создавать путаницы, здесь я буду при-

держиваться привычной терминологии, однако прошу читателей не забывать того реального значения, которое стоит за применяемыми терминами.

В некотором отношении социалистическая революция служит водоразделом не только между двумя крупными историческими формациями человеческого общества (экономической и коммунистической), но означает окончание всей предшествующей эпохи развития человечества, как его предыстории («завершается предыстория человеческого общества»¹), и переход к подлинной истории («с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю»²).

В чем же состоит этот переход от предыстории к возможности сознательно творить свою историю? Стоит привести здесь длинную цитату из работы Фридриха Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных отношений, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей».³

В конце концов Ф. Энгельс резюмирует: «Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы».⁴

Итак, мы видим переход от предыстории – к истории, из звериных условий существования – в условия человеческие, из царства необходимости – в царство свободы. Об условиях и предпосылках этого перехода будет сказано в следующей главе,

¹ Маркс К. К критике политической экономии./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.13. М: ИПЛ, 1959, с. 8.

² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.19. М: ИПЛ, 1961, с. 228.

³ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке..., с. 227.

⁴ Там же, с. 228.

сейчас же нас интересует его содержание. Содержание же этого качественного скачка заключается в приобретении людьми господства над своими общественными отношениями, в освобождении от противостояния им как чуждым господствующим силам, в приобретении способности устанавливать общественные отношения между собой как собственное свободное дело. Тем самым, раз общественные отношения перестают быть чуждой человеку, противостоящей ему внешней силой, преодолевается и отчуждение человека от человека и человека от общества

Но почему классический марксизм считает, что выход, благодаря социалистической революции, за рамки капиталистического общества даст именно эти, весьма заманчивые результаты?

21.2. Противоречия прошлого сами несут в себе возможности своего разрешения

Исследование противоречий капиталистического способа производства показывает нам, что эти противоречия ведут к такому развитию капиталистического производства, которое порождает еще в пределах капитализма целый ряд явлений, которые не имеют в полном смысле слова капиталистическую природу, и даже находятся в конфликте с основными производственными отношениями капитализма. Тем не менее эти отношения существуют как составная часть капиталистической хозяйственной системы, ибо без них капиталистическое производство уже не может существовать и развиваться.

Таким образом, *капитализм открывает дорогу новым тенденциям в развитии производительных сил, являющимся неизбежным следствием эволюции самой капиталистической системы.* Вместе с этими новыми производительными силами (проанализированными выше) рождаются и новые, переходные производственные отношения, в которых уже присутствует новое качество, выходящее за рамки качественной определенности капитализма. Именно на изучении этих тенденций и явлений, а не просто на мечтах об идеальном справедливом обществе, построен прогноз марксизма о революционном переходе к новому способу производства.

Хотя капитализм достаточно долго способен встраивать в себя эти новые, чуждые его природе элементы производительных сил и производственных отношений, его возможности не беспредельны. *Когда дальнейшее эволюционное накопление некапиталистических элементов в рамках капитализма начинает угрожать ведущей роли фундаментальных основ капиталистического способа производства, капиталистические производственные отношения начинают играть роль тормоза развития.* За этой чертой интересы капиталистического класса, порождаемые системой производственных отношений капиталистического способа производства, заставляют капиталистов препятствовать росту новых, прогрессивных, но отрицаю-

щих капитализм тенденций как в производительных силах, так и в производственных отношениях.

Поэтому оказывается необходимым преодоление рамок капитализма в целом, как системы, чтобы дать простор развитию этих новых тенденций, позволить им приобрести целостный характер, сложиться в новый способ производства. При этом способе производства труд, вместо того быть средством порабощения наемных работников и источником процветания нетрудящихся классов, становится средством освобождения человека – постольку, поскольку он составляет основу для свободного и всестороннего развития человеческих способностей. Но как труд может подобным образом преобразовать свой характер?

К. Маркс подчеркивал, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»⁵.

Человек становится более свободным и в материальном производстве, в «царстве необходимости» – ибо необходимость воспроизведения условий материальной жизни остается. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе».⁶

Это утверждение из «Капитала» согласуется с его же концепцией, что наибольшего расцвета производительные силы человеческого труда получают в развитии научного знания и в технологическом применении науки, а так же и в иных подобных же процессах творческой деятельности. Соответственно, время для развития свободной творческой деятельности, для развития и раскрытия способностей человека приобретает первостепенное значение. Поэтому *именно свободное время*, в противоположность рабочему – где производство диктуется «нуждой и внешней целесообразностью», *должно стать мерилом богатства*.

Как было показано выше, этот прогноз находит подтверждение в современных тенденциях развития капиталистического способа производства – *но в его рамках*

⁵ Маркс К. Капитал, т. III./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М: ИПЛ, 1962, с. 386-387.

⁶ Там же, с. 387.

эта тенденция не может стать всеобщим достоянием даже в потенции. Более того, современный капитал характеризуется тенденцией к установлению абсолютно-го контроля над условиями свободного развития человека: над его свободным временем, над творческой деятельностью и ее результатами, над объектами природы, и вообще над миром культурных ценностей. Капитал стремится подчинить все эти сферы жизни человека своим собственным интересам – интересам производства прибавочной стоимости. Тем самым капитал ставит пределы возможностям развития человека в капиталистическом обществе, и эта его тенденция выступает свидетельством приближающегося кризиса капитализма.

Не означает ли такое положение вещей, при котором общественные отношения людей «станут собственным сознательным делом», будут «подчинены их господству», что соотношение общественного бытия и общественного сознания переворачивается? Сознание общественного человека становится господствующим над его общественными отношениями, а значит, и его производственные отношения – это уже не объективные, независимые от человека общественные отношения, как их определял сам К. Маркс? И как тогда меняется концепция способа производства, как взаимообусловленного единства производительных сил и производственных отношений?

Превращение развития человека «по ту сторону материального производства» в самоцель, а свободного времени – в мерило богатства, означает, по меньшей мере, приобретение сферой свободной человеческой деятельности главенствующего положения по сравнению со сферой материального производства. Но какой ответ дали бы классики марксизма на те парадоксы, которые вытекают из их собственных тезисов о скачке из царства необходимости в царство свободы (и которые я сформулировал в предыдущем абзаце)? Я не знаю.

Чрезвычайно распространенным является обвинение К.Маркса в том, что его историческая концепция является замкнутой, конечной, и что коммунизм по Марксу выступает «концом истории». Эти обвинения цепляются за слова о переходе от предыстории человечества к его подлинной истории, которая, якобы, и есть, по Марксу, заверченный идеал человеческого общества, а все, что было раньше – лишь предыстория к нему.

Однако для исторической концепции Маркса такая завершенность является совершенно невыносимой.

«Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное движение*, которое уничтожает теперешнее состояние».⁷

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955, с. 34.

Буквальное прочтение этой фразы может привести к выводу, что коммунизм в известном смысле слова – как борьба за будущее справедливое общество и ликвидацию условий угнетения человека – был *всегда*, и что *после* коммунистической революции его *не будет*, ибо указанная задача будет решена. Можно, конечно, сказать и так, но тогда все равно остается коммунистическое общество, как общество, являющееся результатом коммунизма, понятого только как борьба за освобождение человека, общество, с которого начинается подлинная история человечества. И Карлу Марксу никогда не приходило в голову, подобно Френсису Фукуяме, предписывать этому обществу какие-то застывшие окончательные формы социальной организации.

Однако на какой основе становится возможным этот скачок из царства необходимости в царство свободы, какие именно изменения – прежде всего, в способе производства материальной жизни общества, – делают его возможным?

Глава 22. Границы капитализма и предпосылки социализма

Решение вопроса о границах капиталистического способа производства имеет в классическом марксизме обширные основания в области марксистского метода исследования и гораздо менее обширные основания в готовых теоретических выводах. Что же касается прямой постановки вопроса о границах капитализма, за которыми производственные отношения, основанные на капитале, из источника прогресса производительных сил превращается в их тормоз и с необходимостью происходит социальная революция, то здесь мы обладаем еще более ограниченным теоретическим наследием. Кроме того, это наследие классического марксизма неизбежно ограничено и тем историческим горизонтом, который был доступен классикам для формирования фактической базы своих теоретических выводов.

С тех пор прошло более века, и приходится констатировать, что вклад последователей Маркса в изучение этой проблемы оказался далеко не столь велик, как того требовало время. И все же, если систематизировать основные шаги вперед, сделанные марксистами после Маркса, и добавить к этому вклад ученых немарксистских направлений в расширение фактической базы соответствующих исследований, это не превратит проблему в решенную, но позволит обозначить новые рубежи для дальнейших исследований.

22.1. Методологические и теоретические предпосылки решения вопроса о границах капитализма

Итак, где кончается капитализм и с необходимостью начинается качественный скачок, революционный переход к социализму?

Чтобы понять характер материальных предпосылок, необходимых для перехода к социалистическому общественному строю, недостаточно затвердить набор немногочисленных цитат из классиков марксизма, обычно приводимых по данному случаю.

Во-первых, никакие цитаты из произведений XIX или даже начала XX века не могут полностью разрешить проблемы, стоящие перед социалистическим движением и его теоретиками сейчас, в начале XXI века. Во-вторых, обычный набор цитат не включает в себя целый ряд замечаний, не вписывающихся в распространенную ортодоксальную трактовку материальных предпосылок социализма.

Поэтому нужно не только исследовать поставленную задачу с позиций фактического материала сегодняшнего дня, но и занять при оценке этого фактического материала определенную теоретическую и методологическую позицию. Для марксиста такая позиция заключается, прежде всего, в материалистическом понимании истории, которое в основе исторического процесса видит смену способов производства.

Вспомним, каким образом марксизм рассматривает предпосылки перехода от одного способа производства к другому. Вкратце эти предпосылки заключаются в таком развитии производительных сил общества, которое становится несовместимым с оболочкой старых производственных отношений. Разумеется, для каждого конкретного способа производства оценка такого уровня развития производительных сил является предметом конкретного исследования.

Доступный нам исторический материал позволяет придти к любопытным выводам, не замечавшимся ортодоксальным марксизмом-ленинизмом. В рамках экономической общественной формации переход от одного способа производства к другому *ни разу не имел своей предпосылкой переворот в характере применяемых средств производства* (хотя глупо было бы отрицать заметную их эволюцию), а всегда основывался на изменении природы основной производительной силы общества – *рабочника*. *Переворот же в технической основе производства всегда выступал следствием утверждения новой системы производственных отношений*. Так, например, переход от феодализма к капитализму не потребовал переворота в технической основе производства – потребовалось лишь превращение крепостного сначала в самостоятельного мелкого производителя, а затем в свободного наемного рабочего. Возникновение же новой технической основы производства было обеспечено уже самим капитализмом – путем капиталистического промышленного переворота. Аналогичным образом и переход от античного способа производства к феодальному не имел своей предпосылкой возникновение качественно новых средств производства, а опирался на формирование нового типа работника – сначала лично свободного общинника с отчуждаемым земельным наделом, превратившегося затем в лично зависимого крестьянина с гарантированным земельным наделом.

Однако переход иного масштаба – не от одного способа производства к другому способу производства, а от одной крупной общественной формации к другой, – пошел несколько на другой расстановке предпосылок. Так, переход от доэкономической (архаической) формации к экономической (или от первобытнообщинного строя к

эксплуататорскому обществу) имел предпосылкой *не только* формирование *нового типа работника*, – обособленного индивида, работающего в семейном хозяйстве⁸, – но и *переворот в технической основе производства*: переход от применения преимущественно каменных к применению металлических (медных, бронзовых, железных) орудий труда.

Можно предположить, что и переход от экономической общественной формации к постэкономической (коммунистической) также потребует в качестве своей предпосылки не только возникновения нового типа работника, но и переворота в применяемых средствах производства. Не случайно замыкающим способом производства в экономической общественной формации является именно капитализм, характерной чертой которого выступает постоянное совершенствование технической основы производства.

22.2. Что можно сказать о технической основе производства, составляющей предпосылку перехода к социализму?

В классическом марксизме были нащупаны определенные теоретические критерии, определяющие своего рода список требований к новой технической основе производства, призванной обеспечить разрешение противоречий, свойственных капитализму и экономической общественной формации в целом. Эти теоретические критерии, выведенные на весьма еще незрелой стадии капитализма, нашли к концу XX века блестящее подтверждение в реальных тенденциях развития современного нам капиталистического общества. Появились новые производительные силы, дающие надежду на практическое решение поставленных К. Марксом в середине XIX века задач.

Что же должны обеспечить новые производительные силы? Они должны создать такие условия, при которых человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение *предела* для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»⁹.

⁸ Разумеется, эта обособленность не была абсолютной, сочетаясь долгое время с сохранением общинных структур, и лишь целую эпоху спустя капитализм создал действительно частного человека, свободного от личной зависимости.

⁹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, с. 221.

Кроме того, новая техническая основа производства должна обеспечивать *прекращение борьбы за индивидуальное существование*.¹⁰ В современных условиях это означает не только достаток средств существования, но одновременно и приемлемое состояние окружающей среды. Разумеется, такой переход *невозможен до тех пор, пока целью производства остается накопление вещного богатства*, и, более того, искусственное раздувание стремления к потреблению в погоне за расширением рынка сбыта. Соответственно, предполагается такое *изменение характера человеческой деятельности, которое приводит к превращению не вещного богатства, а самой деятельности в первую жизненную потребность (и вместе с этим свободное время как пространство для развития человеческих способностей превращается в мерило богатства*¹¹).

Можно отметить что тенденция к замещению стремления к накоплению вещного богатства целями, вытекающими из превращения труда в творческую самодетельность (самореализация индивида в труде, раскрытие его творческих способностей, обеспечение неотчужденных общественных связей с другими людьми, и другие не-вещные цели¹²), пока является реальностью лишь для довольно узкого сегмента работников в наиболее развитых странах, да и то в формах, весьма искаженных господствующей капиталистической системой отношений.

Нерешенной остается проблема: как возможно вывести на такой уровень развития все человеческое общество? Если ориентироваться на стандарты потребления современной буржуазной цивилизации – то никак, ибо для этого физически не хватит ресурсов Земли. Поэтому предпосылки перехода не могут одновременно сложиться во всех, или даже в большинстве, стран мира, а только в небольшой, наиболее развитой их части, и даже там в рамках капитализма никогда не станут полными. Переход к социализму упирается в проблему переноса этих предпосылок в менее развитые страны, причем таким образом, чтобы миновать ловушку колоссального роста избыточного потребления, свойственного позднему капитализму.

Очевидно, что в любом случае требуется значительный рост производительности общественного труда. Но одновременно становится ясно, что для движения к социализму приемлем *не любой рост производительности труда*, а лишь тот, который опирается на *ресурсоэкономный* путь развития производства и потребления. Иными

¹⁰ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961, с. 292, 294.

¹¹ См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 217, 221.

¹² См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 476.

словами, возрастающее производство общественного богатства должно достигаться при том же, или даже сокращающемся уровне потребления естественных ресурсов.

Другое требование, сформулированное классиками – *освобождение человека от функции частичного рабочего* (по крайней мере, в большую часть времени) и вообще *освобождение его от подчинения общественному разделению труда*.¹³ Это предполагает по меньшей мере резкое сокращение времени рутинного репродуктивного труда, как за счет роста производительной, так и за счет роста потребительной силы человека (рационализация потребления – не столько за счет сужения потребностей, сколько за счет перехода к менее расточительным способам их удовлетворения, в том числе путем сокращения престижного и иррационального потребления).

До сих пор остается гораздо менее ясным, в какой мере освобождение человека от калечащего его подчинения разделению труда будет происходить путем либо универсализации его функций, либо широко распространенной перемены труда.¹⁴ В какой мере, и, главное, на какой основе станет возможно обойтись без развития узкой специализации человека? Ведь даже в т.н. творческих профессиях необходимость такой специализации для достижения высоких результатов пока остается реальностью. Вероятно, она и не может быть устранена полностью – будет лишь создана ограниченная только собственными способностями человека возможность перехода к любым видам деятельности. Единственное, что обязательно должно быть выведено за рамки узкой специализации, так это занятия, не предполагающие значительной доли творческих функций (тяжелый неквалифицированный труд).

Создание материальных условий для развития творческих способностей человека в современных условиях «экономики знаний» подтверждает прогноз Маркса о развитии всеобщего труда¹⁵, основанного на универсальности (и в пространстве, и во времени) кооперации деятельности и обмена знаниями в ходе творческих процессов. Таким образом, развитие процесса обобществления производства приобретает новый облик. Оно не сводится к концентрации и специализации производства, а в огромной степени усиливает сложившуюся еще в индустриальную эпоху тенденцию к «*обобществлению человека*», то есть к его универсальной социальной подвижности, способности к образованию различного рода ассоциаций и союзов, основанную те-

¹³ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961, с. 305

¹⁴ К. Маркс пишет об объективной задаче: «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (Маркс К. Капитал, т. I / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23, с. 453).

¹⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 110.

перь на всеобщем труде – всеобщей кооперации знаний и творческой деятельности. Эта сторона обобществления производства находит в современных средствах информатики и телекоммуникаций адекватную техническую основу.

Однако современные тенденции в развитии производительных сил сохраняют в обозримой перспективе значительный сегмент производства, основанный на старых полуиндустриальных или даже доиндустриальных технологиях. Это значительная часть сферы услуг, где такие профессии, как официант, горничная в отеле, парикмахер, посудомойка, уборщица, продавец и т.д. еще не вышли в основном или хотя бы частью из сферы доиндустриального труда. Произойдет ли в этих отраслях замена ручного труда машинным? Или преобразование содержания труда произойдет на основе каких-то новых, немашинных технологий? Или же эти отрасли останутся отраслями, основанными на межсубъектном взаимодействии, где сохранится прямое обслуживание одним человеком другого?

Ясного ответа на эти вопросы у нас пока нет.

При всех этих оговорках становится все более очевидным, что указанные выше тенденции не могут быть в полной мере реализованы на основе индустриального (машинного) производства. Это вовсе *не значит*, что выход за пределы машинного производства является *непременным условием* перехода к социализму. Однако формирование еще при капитализме по крайней мере значимого сектора «постмашинного» производства является необходимой предпосылкой, позволяющей развернуться указанным выше тенденциям.

Другая сторона вопроса о материально-технических предпосылках социализма – это их *негативное* определение. Известно высказывание Маркса о том, что ни один общественный строй не погибнет раньше, чем исчерпает все возможности для прогрессивного развития производительных сил. Признаки такого исчерпания возможностей современного капитализма, несомненно, налицо, и левая литература пестрит указаниями на войны, экологический кризис, перепотребление, культурную деградацию и т.д. и т.п., как спутников современного капитализма. Но одновременно этот же капитализм смог осилить такие, несомненно, прогрессивные в своей основе сдвиги, как информационную революцию, создание предпосылок постиндустриального общества и экономическую глобализацию.

Однако даже эти прогрессивные стороны развития капитализма в сфере производительных сил неизбежно приводят (именно в силу их прогрессивности!) ко всё большему накоплению в структуре его производственных отношений таких элементов, которые не вытекают из качественной определенности капитализма, да и товарного производства вообще.¹⁶ В частности, оправдывается прогноз К.Маркса об эро-

¹⁶ Эти новые явления уже анализировались ранее (См., например: Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: УРСС, 2004, с. 53-85; Антипи-

зии стоимостной основы капиталистических отношений.

22.3. Что можно сказать о новом типе работника, формирующемся в недрах капитализма?

Новый характер деятельности, новое содержание труда порождают и новый тип работника. Это в первую очередь *свободный работник* – свободный в том смысле, что его деятельность становится основой свободного формирования и воспроизводства его общественных отношений¹⁷ (принцип свободной ассоциации тружеников). Предпосылку для такого свободного труда первоначально составляет творческое содержание человеческой деятельности.

Дело не в том, что труд творческий, в противоположность рутинному репродуктивному труду, свободен сам по себе, на основе принципа «не продается вдохновение...» – то есть вроде бы не может совершаться в рамках какой бы то ни было формы социального принуждения. Современный капитализм показывает, что еще как может! Дело в том, что именно в творческой деятельности впервые, еще при капитализме, появляется тенденция к свободному формированию общественных отношений. Эта тенденция весьма ограничена, она проявляется лишь непосредственно в рамках самого творческого процесса, где капитал уже не может диктовать работнику, как решать поставленную творческую задачу. Соответственно, творческий работник сам определяет сеть и характер тех общественных связей, той кооперации знаний, которые он устанавливает в труде. Но за пределами этого процесса капитал жестко задает внешние параметры деятельности, и в первую очередь подчинение этой творческой деятельности задаче производства прибавочной стоимости, погоне за прибылью (что накладывает определенный отпечаток и на содержание творческого процесса).

Ясно, что в обозримой перспективе даже такая ограниченная свобода будет развиваться в весьма узких рамках. Ведь труд с преимущественно творческими функциями никогда не станет при капитализме достоянием большинства работников даже в наиболее развитых странах. Замечу, что и с преодолением капитализма, в течение длительной исторической эпохи творческое содержание деятельности не будет являться достоянием всех. По меткому замечанию В.М. Межуева, социализм освобождает человека вовсе не тем, что делает всех творческими гениями.

Каким же образом свободная творческая деятельность может составить тогда предпосылку выхода за рамки капитализма, если основанный на ней новый тип ра-

на О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе / Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998, с. 375-465).

¹⁷ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М.: ИПЛ, 1961, с. 295

ботника формируется лишь в относительно узком социальном слое? Эта проблема преодолевается, если мы примем во внимание, что со снятием оболочки капиталистических производственных отношений становится возможным распространение принципа свободной творческой самодеятельности – по крайней мере, в одном аспекте – *на всех*. Появляется *свобода социального творчества* – т.е. именно та самая *свобода людей самим творить свои общественные отношения*. И уже на основе этой свободы могут завоевываться материальные предпосылки для постепенного распространения возможностей творческой деятельности для каждого человека.

22.4. Как соотносятся тенденции в развитии новых средств производства и формировании нового типа работника с определением экономических предпосылок социализма?

Ортодоксальный «марксизм-ленинизм» вообще отрицал формирование экономических предпосылок социализма в рамках капиталистического способа производства, утверждая, что налицо могут быть только материально-технические предпосылки.¹⁸ Сторонники этой точки зрения выдвигали вполне логичный аргумент, что важнейшие экономические отношения социализма могут сформироваться только в народнохозяйственном масштабе, а потому и не могут возникнуть до социалистической революции. Однако в любом случае серьезные сдвиги в производительных силах общества и обусловленные ими изменения в содержании труда не могут не повлечь за собой такие изменения в производственных отношениях, которые ведут к формированию переходных экономических форм (разумеется, не являющихся *полным отрицанием* капиталистических отношений), как раз и выступающих как экономические предпосылки социализма.

Что же это за отношения, представляющие собой *частичное отрицание капитализма в его рамках*?

Это те отношения, которые формируются под влиянием развития общественного характера производства, тенденции к росту *обобществления производства* – т.е. углубления общественного разделения труда, связывающего различные частные работы между собой так, что их независимый характер становится иллюзорным. Одновременно растет сфера нерыночной координации деятельности внутри капиталистических предприятий, масштабы которых с ростом специализации и концентрации

¹⁸ Это отрицание было политически обусловлено сталинской системой, поскольку позволяло настаивать на достаточности предпосылок строительства социализма в СССР, создаваемых индустриализацией, и снимало проблему ответственности сталинизма за реальное разрушение по меньшей мере части экономических предпосылок социализма, происходившее в ходе его «строительства».

производства растут, приобретая в конце концов транснациональный масштаб.

Эти процессы ведут к подрыву товарного характера (а вместе с этим – и стоимостной основы) капиталистического производства. Частное, изолированное, самостоятельное производство все больше заменяется координируемым, регулируемым и даже прямо управляемым в общественном масштабе. Такого рода тенденции не уничтожают капиталистический базис производства, но ведут к возникновению в его структуре таких производственных отношений, которые выражают рост уровня обобществления, развитие тесных связей, охватывающих все звенья общественного разделения труда.

К. Маркс в «Капитале» рассматривал в качестве таких отношений, во-первых, кредитную систему и банки, охватывающие все общественное производство контролем за движением денег, и выступающие как прообраз системы общественного счетоводства.¹⁹

Во-вторых, это развивающийся на основе кредитной системы акционерный капитал, выходящий за пределы «классической» частной собственности и превращающий ее в групповую, распыляя ее нередко среди десятков тысяч собственников, но одновременно резко увеличивая концентрацию производства и капитала и контроль над ними со стороны капиталистической олигархии.²⁰

В-третьих, это кооперативные предприятия, снимающие (только, разумеется, в пределах самого предприятия) противоречие между трудом и капиталом, и выступающие, по словам К. Маркса, как «положительное упразднение частной собственности».²¹

Теоретики периода II Интернационала (Р. Гильфердинг, В.И. Ленин и ряд других) дополнили эти представления по меньшей мере, в двух пунктах.

Во-первых, анализ монополистической стадии капитализма показал расширение планомерной организации производства внутри капиталистической фабрики до масштабов гигантских монополистических объединений, нередко выходящих за национальные рамки. Кроме того, возросшая концентрация и специализация производства и капитала, и образование финансового капитала означали шаг вперед в степени зрелости тех предпосылок, которые создавались акционерной системой и банками.

Во-вторых, сложилась концепция, согласно которой разрозненные, изолированные кооперативные фабрики рабочих могут сыграть свою роль, как предпосылки социалистической системы производственных отношений, если они будут объединены в общенациональную систему под контролем общенациональной потребитель-

¹⁹ Маркс К. Капитал, т. III / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I, с. 483-484.

²⁰ Там же, с. 481-482.

²¹ Там же.

ской кооперации²². Особой составной частью этой концепции было развитие идеи, намеченной у Маркса лишь одним штрихом – об использовании кооперативных организаций в качестве меры, обеспечивающей переход от мелкокрестьянского сельскохозяйственного производства к крупному общественному.

Дальнейшие исследования не так много добавили к этому анализу, сведясь лишь к уточнению, конкретизации, и наполнению свежими фактами уже сложившихся концепций. Значительно расширились и углубились наши знания о возможности организации производства без капиталистов. Такое производство уже не сводится к кооперативным фабрикам рабочих, а представляет собой целый сектор «экономики солидарности» (или «экономики участия»), начиная от акционерной собственности работников и кончая различными формами добровольного бесплатного труда²³. Однако роль этого сектора и в качестве составной части поздней капиталистической экономики, и в качестве предпосылки перехода к социализму еще не подверглась новому теоретическому осмыслению.

Анализ глобализации марксистами внес немало нового в понимание эволюции капитализма и в оценку исторической ступени его зрелости. Однако и этот анализ пока не привел к достаточно ясному формулированию идей, показывающих то новое, что глобализация вносит в экономические предпосылки социализма, за исключением очевидного наблюдения, что теперь эти предпосылки начинают приобретать глобальный характер.²⁴

Следует особо подчеркнуть, что все проанализированные выше предпосылки так или иначе отражают процессы обобществления (роста общественного характера) производства в рамках капитализма. В.И. Ленину даже принадлежит выражение, что научный социализм исходит из факта обобществления труда капиталом. Однако эти

²² Отражение этой концепции можно видеть в «Проекте резолюции о кооперативах российской с.-д. делегации Копенгагенского конгресса», подготовленной В.И. Лениным к Восьмому конгрессу II-го Интернационала (Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 19. с. 310–311).

²³ Подробнее смотри: Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993; Рудык Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. Параграф 2.3.3. М.: ИНФРА-М, 2005; Rifkin J. The End of Work. Chapter 17. Empowering the Third Sector. N.Y.: A Tarcher/Putnam Book, 1996.

²⁴ Некоторые более или менее общие – но при этом и довольно расплывчатые – соображения о новых условиях борьбы за ниспровержение капитализма были сделаны в книгах Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» и «Множество» (Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя. М.: Праксис, 2004; Майкл Хардт, Антонио Негри. Множество. М.: Культурная революция, 2006).

экономические формы, выражающие тенденцию обобществления производства, проявляющуюся *при капитализме*, не могут рассматриваться в качестве уже *готовых* оснований для системы социалистических производственных отношений. В этом смысле тот оптимизм, который демонстрировал Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», не вполне оправдан. *Те экономические отношения, которые составляют экономические предпосылки социализма, не есть еще элементы самого социализма – это все-таки лишь переходные экономические отношения.*

Этот факт, правда, лишь в отношении банковской системы, отметил еще Н.И. Бухарин, указав на то, что банковская система не есть вполне готовый механизм общественного счетоводства для социализма, поскольку она обеспечивает учет на основе стоимостных отношений, в то время как социализм преодолевает товарное производство.

Итак, у нас есть определенное понимание того, как развитие внутренних противоречий капитализма и рост обобществления производства формируют экономические предпосылки социализма. Однако пока нет практически никаких исследований, в которых бы изучался вопрос о том, в какой степени должны быть развиты эти экономические предпосылки социализма (и какие именно из них в первую очередь), чтобы создать *достаточные* экономические основания для перехода к социализму.

Можно легко заметить, что мы пока не имеем исследований, показывающих нам формирование *социально-экономических* предпосылок социализма на основе развития творческого содержания труда, высвобождения человека из непосредственного процесса материального производства и т.п., что сейчас получило наименование постиндустриальных тенденций. В буржуазной экономической теории эти процессы уже получили ту или иную экономическую интерпретацию (например, в виде «экономической теории информации» или в концепции «человеческого капитала»). Марксисты же, обосновывая свою критическую позицию по отношению к такой интерпретации, не дали еще своего позитивного видения этих тенденций как социально-экономических предпосылок социализма, отделяваясь общими фразами о возрастании роли человека в производстве. Единственный пункт, который до какой-то степени можно поставить нам в заслугу – это указание на тенденцию к формированию всеобщей собственности на знания и информацию как реальной альтернативы частной интеллектуальной собственности и коммерческой тайне.

Еще более сложным и не проясненным остается вопрос о том, как *экономические* предпосылки социализма могут составить фундамент для формирования производственных отношений коммунистического общества, носящих уже *не экономический* характер.

22.5. *Производительные силы, производственные отношения
и социальные предпосылки социализма*

Проделанный выше обзор формирования материально-технических, деятельностных (трудовых) и экономических предпосылок социализма достаточно ясно свидетельствует о развитии процесса разложения капиталистического способа производства. Следовательно, можно сделать вывод и о том, что должен происходить и процесс разложения основных классов капиталистического общества – класса капиталистов и класса наемных работников (этот процесс уже был проанализирован выше).

Факты подтверждают этот вывод. Действительно, классическая фигура частного предпринимателя неудержимо расплывается в пространстве, будучи затерянной где-то между крупными, средними и массой мелких акционеров, директорами, высшими менеджерами и прочими управляющими, банкирами, финансовыми спекулянтами, маклерами и брокерами, ведущими специалистами исследовательских отделов корпораций, вкладчиками пенсионных фондов и т.д. Одновременно численность фабрично-заводского пролетариата в странах развитого капитализма неумолимо сужается, распадаясь, с одной стороны, на слой квалифицированных специалистов и профессионалов, непосредственно обслуживающих интересы капитала, и имеющих соответствующие доходы, и, с другой стороны, на массу малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг, расплывенных, не спаянных в крупные коллективы, часто занятых временно или частично, и чей заработок нередко не дотягивает до прожиточного минимума.

И эти «неприятные» факты заставили немало понервничать левых теоретиков, ибо они ставили под сомнение их понимание классической марксистской концепции об «исторической миссии пролетариата» как могильщика капитализма. Некоторые из них решили сдать историческую миссию пролетариата в утиль и подыскать на его место кого-нибудь другого (например, интеллигенцию или «когнитариат»). Другие вышли из затруднений, распространив понятие пролетариат на всех лиц наемного труда (вне зависимости от их действительной роли в экономической системе). Третьи заявили, что, несмотря на все перемены, пролетариат по-прежнему остается пролетариатом – и точка.

На самом деле требовалось, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что при смене способа производства его движущей социальной силой никогда не выступал только конфликт между основными классами «старого» способа производства. Более того, самая активная (ведущая) роль в социальной революции (другими словами, гегемония) принадлежала всегда новым социальным слоям, бывшим продуктами разложения основных классов прежнего общества и исходным материалом

для формирования основных классов нового способа производства.²⁵

Разумеется, эти новые слои длительное время выступали в старой социально-правовой оболочке. Например, буржуазия, как мелкая, так и крупная, а также и предпролетариат, к началу буржуазной революции во Франции несли на себе общее одеяние «третьего сословия». Значительная часть буржуазии в России XIX века по документам значилась крестьянами или мещанами (т.е. городскими простолюдинами). Крестьянами числилась и часть фабрично-заводских рабочих.

В современном капиталистическом обществе наемным работником может именоваться полуиницией поденщик, перебивающийся случайными заработками, заводской рабочий, профессор университета и генеральный директор крупной корпорации. Но даже если мы выделим в этой пестрой толпе только тех, кто эксплуатируется капиталом (а не является агентом капитала по эксплуатации труда), и для кого систематическая продажа рабочей силы является основным способом существования, это еще не решает проблемы.

Дело в том, что значительный (хотя и составляющий явное меньшинство) слой наемных работников, занятых по преимуществу, или в существенной степени творческими функциями, отличается по своему социально-экономическому положению от «классического» фабрично-заводского пролетариата. Переход от машинных технологий к постмашинным создал и *нового наемного работника* – не частичного фабричного рабочего, подчиненного как диктату капитала, так и власти фабричной системы, а творческого работника, реализующего значительную степень свободы в своей деятельности, и в этой части претендующего на независимость от капитала.

Как уже было сказано выше, эта независимость весьма относительна, но потенциально не ограничена, а потому и является основной конфликта интересов между творческими работниками и капиталом. Этот конфликт имеет своей основой то же отчуждение труда, которое гнетет любого наемного работника. Но *новый тип творческого работника отличается от классического фабрично-заводского пролетария тем, что в самом процессе своего труда он потенциально (а отчасти – и реально) свободен от диктата капитала.*

Именно это различие создает и различие в характере того, что, вслед за К. Марксом, можно было бы назвать «исторической миссией» данных социальных групп внутри класса наемных работников.

Объективные экономические интересы основной массы фабрично-заводского пролетариата могут быть сведены к высокой заработной плате для себя, и к сужению дохода капиталиста до уровня зарплаты высокооплачиваемого управляющего. Не

²⁵ Как уже отмечалось, одним из первых среди марксистов обратил внимание на эти обстоятельства американский социолог Чарльз Райт Миллз (См., например: Ch. Wright Mills. *The Marxists*. N.Y. 1962, p. 116).

следует забывать и о *внутренне присущих* пролетариату чертах мелкобуржуазности (пролетарий ведь *одновременно и рабочий, и торговец* – продавец своей рабочей силы). Да, борьба рабочего за достойные условия труда и его оплаты революционизирует капиталистическое общество, подталкивает его к изменениям, в том числе и выходящим за пределы собственно капиталистических отношений. Да, рабочий страдает от гнета капитала и не прочь бы вообще избавиться от его власти...

Но что же дальше? Даже ниспровержение капитала не освобождает фабрично-заводского рабочего от его *фабричного* рабства, хотя бы *наемное* рабство уже было ликвидировано. А с сохранением первого, порождающего противоречие интересов управляющих и управляемых, умственного и физического труда, ущербность частичного работника и т.д., весьма вероятно вернется и второе (печальный опыт СССР недвусмысленно свидетельствует об этом). Кроме того, фабрично-заводской пролетариат выступает таким классом, который *обречен на гибель* вместе с гибелью капитализма и становлением бесклассового социалистического общества.

Какой же социальный слой по роду своей деятельности, по месту в общественном производстве не только заинтересован в преодолении любых классовых перегородок, любого социального гнета, но и *имеет практический опыт такого преодоления, практическое знание о путях и способах, которыми решается эта задача?* Именно та часть наемных работников, которая связана с выполнением творческих функций.

До сих пор капитал довольно успешно справлялся с теми противоречиями, с которыми связано положение творческого работника в системе капиталистических отношений. На ранних стадиях промышленного капитализма число таких работников было невелико, и значительная часть из них занимала особое положение «лиц свободных профессий», что сближало их по статусу с мелкими буржуа, делая их продавцами продуктов со своего частного «интеллектуального огородика». Затем, с развитием технического прогресса, происходит количественный рост этого слоя и превращение большинства его представителей в наемных работников. Творческая деятельность по развитию и технологическому применению научных знаний превращается из поля индивидуальной (частной) инициативы в крупную, капиталистически организованную отрасль производства, покоящуюся на использовании наемного труда.

Однако и теперь капитал все еще способен создавать для значительной части таких работников относительно привилегированные условия – как по уровню дохода, так и по условиям труда. Поэтому творческие работники (ученые, инженеры, преподаватели, врачи, журналисты и т.д.) в массе своей, хотя и тяготятся властью капитала, но стремятся к освобождению от него именно как привилегированная каста, добиваясь такого освобождения только для себя. Более того, многие видят путь своего

освобождения от власти капитала в том, чтобы самим сделаться капиталистами – подобно тому, как французский буржуа XVII столетия мечтал о покупке дворянского патента или женитьбе на дворянке. Ведь значительная часть творческих работников – менеджеры, агенты финансового рынка, агенты политического и идеологического манипулирования и т.п., – по своему положению в системе капиталистического производства привязана к непосредственному обслуживанию самовозрастания капитала.

И все-таки возможности капитала по социальному подкупу всего этого слоя не беспредельны. Многие творческие работники, независимо от своего привилегированного положения, осознают общность своих интересов с другими отрядами наемных работников в противостоянии власти капитала. Кроме того, с ростом количества рабочих мест, нуждающихся в выполнении творческих функций, возможности подкупа со стороны капитала сужаются. Становится невозможным подкупить всех. И часть творческих работников все активнее включается в борьбу против власти капитала – первоначально в основном под своими, специфическими «цеховыми» лозунгами.

Эти «цеховые» лозунги, – свобода доступа к знаниям и информации, контроль над использованием научных результатов ради блага людей, а не вопреки ему (ради прибыли капиталистов) и т.п., – чем дальше, тем больше совпадают, однако, с интересами всех наемных работников. Разве фабричному пролетарию или малоквалифицированному работнику сферы услуг не нужен свободный доступ к высшему профессиональному образованию, если не для себя, то для своих детей? Разве не заинтересован любой наемный рабочий в том, чтобы лишить капитал «священного права» травить людей отходами производства или угрожать их здоровью не проверенными генно-модифицированными продуктами?..

Наконец, с ниспровержением власти капитала «цеховые» лозунги творческих работников могут превратиться в универсальные цели всего общества: «образование – для всех», сокращение рабочего дня, доступ к культурным благам в свободное время, достижение равновесия с природной средой... Эти лозунги могут стать основой такого преобразования материальных условий производства (развития производительных сил), которое создаст действительную возможность для свободного развития человека.

Поэтому, на мой взгляд, *«могильщиком капитализма» может стать как раз союз традиционного наемного работника (фабричного пролетария) и наемных рабочих сферы услуг с наемным работником нового типа – творческим работником.* Самостоятельно ни та, ни другая социальная группа не смогут решить эту задачу. Фабричные рабочие и работники сферы услуг – потому, что условия их труда и их положение в общественной системе производства ограничивают их способности в части преобразования общества на социалистических началах. Творческие работники – потому, что социалистические отношения могут быть сформированы только в

процессе социального творчества, захватывающего большинство населения. А для этого надо преодолеть собственную цеховую узость, придти к борьбе за интересы большинства и завоевать практическую поддержку этого большинства.

22.6. Оценка степени готовности предпосылок социализма

Следует сразу сказать – никакая теория (и марксизм здесь не исключение) не может обладать неким «напряжометром», способным аптекарски точно фиксировать степень напряженности противоречий между производительными силами и производственными отношениями, и, соответственно, указывать на точный процент готовности капитализма к выходу за свои пределы. Мы, однако, в состоянии зафиксировать некоторые необходимые качественные параметры (которые я и попытался представить выше), на основе которых можно делать и более или менее приближительные количественные оценки.

Крайне важно обратить внимание на тот факт, что в условиях глобализации уже совершенно необходимо ставить вопрос о преодолении капитализма в ходе социальной революции в масштабах мирового капиталистического хозяйства. Поскольку *национально-изолированная социальная революция окончательно становится невозможной*, встает проблема оценки условий международного распространения этой революции. Следовательно, без решения вопроса о характере и перспективах конфликта между развитым ядром капитализма и менее развитой полукapиталистической периферией нельзя верно определить перспективы движения к социализму.

В какой мере, например, социалистическая революция, охватывающая полупериферию и периферию мирового капитализма, и подрывающая тем самым привилегированное положение стран ядра капиталистической системы, может стать необходимым условием обострения противоречий в капиталистическом ядре, и создания там предпосылок для социалистической революции? Исторический пример Октябрьской революции 1917 года в России, оказавшей колоссальное воздействие на эволюцию мирового капитализма, показывает, что воздействие революции на периферии и полупериферии капиталистического хозяйства на революционизирование развития капиталистического ядра может быть весьма существенным, если не решающим.

Кроме того, *социальная революция*, ведущая к изживанию капиталистического способа производства и выходу за пределы мира отчуждения, *не является продуктом только лишь противоречия между производительными силами и производственными отношениями*. На ее вызревание влияют особенности исторической эволюции классов и социальных групп, развитие особенностей их социальной психологии, место той или иной страны в сложившемся международном разделении труда и масса других обстоятельств, определяющих конкретное соотношение социально-политических сил в национальной и международной политической борьбе. Ход этой

борьбы, в свою очередь, зависит от наличия и характера организаций, представляющих интересы различных классов и социальных групп, от их зрелости, сплоченности, от решения теоретических и идеологических вопросов, от личных и политических качеств лидеров и т.д.

Да и вообще говоря, история никогда ничего не дает нам в чистом виде, соответственно абстрактным теоретическим схемам.

Учет всех этих многообразных обстоятельств зависит уже не только от науки, но и от искусства политической борьбы, причем сама практическая общественно-политическая деятельность (включая сюда также теоретическую и идеологическую борьбу) выступает немаловажным фактором, влияющим на перспективы социальной революции.

Победа может быть достигнута только в борьбе – ни одно историческое действие не свершится кем-то или чем-то за нас и без нашего участия.

Тем не менее, даже принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, марксисты не могут обойти вниманием весьма сложный теоретический вопрос, который был поставлен перед ними ходом исторических событий XX века. Этот вопрос заключается в следующем: каковы перспективы социалистической революции, если она начинается в условиях, когда объективные предпосылки для перехода к социализму явно недостаточны? Ответ на этот вопрос уже не может, со всей очевидностью, носить абстрактно-теоретического характера, и потому может быть дан только после анализа соответствующей исторической практики (чему будет посвящен один из последующих разделов).
